

Вообще-то, русские промышленные люди появились на реке Таз в начале 70-х гг. XVI в., а десятилетием позже о поселении уже знали Строгановы, рассчитывая свои возможности в колонизации Сибири. В 1600 г. отряд казаков под предводительством князя Шаховского и Хрипунова был отправлен на Таз с целью основания города. Строительство острога при впадении притока Таза — реки Осетровки (Мангазейки) — в 200 верстах от Тазовской бухты началось в 1601 г. Работы были завершены летом того же года силами второго правительственного отряда, которым командовали князь Масальский-Рубец и С. Пушкин.

ОСТРОГ был в стиле военных сооружений того времени огорожен частокотом и представлял собой четырехугольный, в котором располагались административные и хозяйственные постройки, а также Троицкая церковь. Четверть века спустя протяженность стен Мангазеи по периметру составляла почти 300 м. Четырехугольные Давыдовская, Зубцовская, Ратиловская, Успенская башни возвышались по углам острога, а самая высокая — двенадцатиметровая — башня, Спасская, была проезжей. Городская стена достигала десятиметровой высоты.

Кроме трехглавой Троицкой церкви, отстроенной вновь после пожара 1642 г., на мангазейском посаде были сооружены еще две — Макария и Успеня. Здесь же была срублена часовня Василия Мангазейского (с судьбой этого сибирского святого мы уже знакомы наших читателей). В пределах посада вырос гостинный двор с ключевым сибирским учреждением того времени — таможенной избой. На башне гостиного двора били часы-куранты.

Но не только номенклатурные строения Мангазеи поражали воображение. Сама го-

родская архитектура была весьма необычной для того времени. Двух- и даже трехэтажные строения сменили собой привычные глазу сибиряка небольшие избы. Крытые дворы, деревянные тротуары, затейливая деревянная резьба, роспись яркими красками придавали Мангазее особый колорит столицы сибирского ясака. Солнце золотом играло на слюде окошек долгим полярным днем, напоминая огромных богатства этой новой страны — Сибири.

Гарнизон "государева города" Мангазеи комплектовался в Тобольске и Березове и был относительно небольшим. Из

Златокипящая

400 лет со времени основания города Мангазея на реке Таз

этих же сибирских городов представлялось "морским ходом" хлебное жалование. Торговые и промышленные люди, составлявшие основное население Мангазеи, своим числом существенно превосходили служилых. Как свидетельствуют исторические источники, в лучшие годы посад вмещал до двух тысяч человек.

Но не только пушнина привлекала внимание государства к Мангазее. В ней видели форпост дальнейшего освоения Сибири. И действительно, отсюда были снаряжены экспедиции далее на восточные "земли" — в Якутию, на Лену. Да и разведка енисейского Севера успешно велась также из Мангазеи. Имена землепроходцев — Хабарова, Иванова, Пянды, Ремезова — прочно связаны с этим северным городом.

Мангазейские промышленники регулярно бывали на Таймыре, обеих Тунгусах, Ангаре. Главным стимулом их зачастую отчаянных предприятий, безусловно, была "мягкая рухлядь" — пушнина. В 40-е гг. XVII в. из Мангазеи на Русь было вывезено, например, более полутора миллиона соболиных шкур. Мангазейскую пушнину хорошо знали и в Европе.

Суровые обстоятельства жизни первых насельников Сибири диктовали бурное развитие местных ремесел. "Непашенный город" Мангазея и здесь задавал тон. В середине XVII в. около полусотни ремесленников работали на освоение сурового северного края. Медно-никелевые руды, которыми так гордится современный Норильск, впервые обернулись металлом в плавильнях и кузницах местных мастеров. Традиционная для Севера резьба по кости стала источником создания маленьких шедевров. Костяные фигур-

ки, изображающие людей и животных, стали подлинно художественными открытиями, сделанными во время археологических исследований последнего времени.

С Енисеем же Мангазее прочно связало строительство Дубчесской слободы (ныне Ворогово) в конце 30-х гг. XVII в. Хлеб в город начал поступать именно отсюда, что немедленно сказало на общем улучшении продовольственного снабжения северян. Жители города, впрочем, не очень надеялись на помощь государства, а активно занимались звериным промыслом, регулярно пополняя свои съестные запасы. На городской печати Мангазеи изображался олень — не только символ, но и основной ресурс северного жизнеобеспечения.

Мангазее активно развивалась, что дало историкам возможность насчитать шесть (!) этапов в жизни города. Безусловно, одним из важнейших стала так называемая "смута", когда воеводы Палицын и Кокорев выясняли отношения даже при помощи пушек. Считается, впрочем, что это было движение посадского населения против злоупотреблений царской администрации. Надо отметить, что именно здесь "обкатывались" различные формы самоуправления, истоки традиции которого следует искать в "вечевом" Новгороде. Впоследствии многие города Сибири стали использовать опыт мангазейских "насельников".

Мангазее — город, которому с рождения было суждено стать легендой. Выросший среди бесконечного дня и такой же бесконечной полярной ночи, призрачный, он стал своеобразным символом этой богатой и непонятной страны — Сибири. "Украсно

украшенная" Мангазее манила к себе русских "конквистадоров" XVII в., серьезно испытывала их, а самые лучшие и удачливые двигались отсюда дальше "встречь солнцу". Московские начальники хорошо понимали, что ключи к новым сибирским землям ковались именно здесь.

Но и практические цели обычно имеют свои пределы. Центр Мангазейского уезда с 1662 г. был перенесен в Турханск, который гордо называли Новой Мангазеей. Это было не произвольным решением, а отражением новых условий, в которых оказались сибиряки. Был запрещен "морской ход" из европейской Руси. Сказалось и существование оскудевшие добычи пушнины.

Гарнизон Новой Мангазеи состоял уже из сотни стрельцов, многие из которых, по всей видимости, прибыли сюда из старого города на реке Таз. Облик поселения на Енисее повторял типичную острожную архитектуру с мощными деревянными стенами и башнями. Сегодня место расположения Новой Мангазеи называется Старотуруханск.

Еще через десяток лет по приказу из той же Москвы старое поселение было оставлено за дальнейшей ненадобностью. Прежде всего, содержание Мангазеи стало невыгодно в экономическом отношении. Пути освоения Сибири переместились гораздо южнее и западнее. Развалины Мангазеи местные жители стали называть "Тагаревы-харад" — разломанный город.

Только более двух столетий спустя эти развалины были найдены потомками первых сибиряков. Еще одна нить прочно связала нас с прошлым.

Анатолий БОРИСОВ